

Священник Владислав Мальшев

«СЛОВА ВАШИ ТОЛЬКО ПОВРЕДЯТ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ...» ПИСЬМО А.Н. МУРАВЬЕВА К М.П. ПОГОДИНУ НА ТЕМУ ГЛАСНОСТИ В ЦЕРКОВНОМ ВОПРОСЕ

Публикация этого письма предпринята с целью ознакомления широкого круга исследователей истории Русской православной церкви синодального периода с личным мнением одного из самых известных защитников православия А.Н. Муравьева о церковных делах в 1840–50-х гг. Данный документ также является важным источником для изучения церковно-общественной публицистики второй половины XIX в. и вносит ясность во взаимоотношения между критиками и защитниками положения Русской церкви. Данная публикация письма представлена без сокращений, что является ее преимуществом перед публикацией этого же источника в 1915 г.

Ключевые слова: церковно-общественная публицистика, И.С. Белюстин, М.П. Погодин, А.Н. Муравьев, Н.А. Протасов, Св. Синод, духовное образование, история Русской Православной Церкви в XIX в.

«Письмо А.Н. Муравьева¹ к М.П. Погодину² по поводу острой критики, написанной первым на напечатанную Погодиным за границей книгу священника Белюстина “О сельском духовенстве”, для специалиста интересно как в контексте изучения церковно-публицистической полемики середины XIX в.³, так и для исследования положения Русской православной церкви в Российской империи в период 1840–50-х гг.

В контексте изучения церковно-общественной публицистики данное письмо представляет особый интерес по причине того, что было написано издателю книги священника И.С. Белюстина «Описание сельского духовенства» М.П. Погодину после того, как А.Н. Муравьев уже публичным образом отреагировал на данное издание, и его позиция для широкого круга читателей несколько отличается от той, которой он придерживается в личной переписке⁴. Он в своей апологии защищает Церковь от нападков на нее «злостного хулителя», считая, что Белюстин преувеличивает масштабы бедствия и возводит частные случаи в абсолют⁵. В личной же переписке защитник духовенства смотрит на проблемы уже иначе и, признавая во внутреннем устройстве Церкви наличие множества изъянов, указывает на их причины прямо и откровенно, что для широкой публики не позволила бы сделать цензура

Священник Владислав Мальшев — магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской Духовной Академии (mvsandmjk@yandex.ru).

и что, по его мнению, простому человеку знать не полезно. Данное письмо раскрывает перед исследователем истинную позицию А.Н. Муравьева относительно появившихся в печати пасквилей в адрес священства. Он не считает, как это может показаться после прочтения статьи «Мысли светского человека на книгу “Описание сельского духовенства”», что в устройстве Церкви, в жизни клириков и в духовном образовании все может быть охарактеризовано положительно, а проблемы носят единичный характер. Можно утверждать, что этот писатель даже лучше других знает все язвы современного ему синодального управления и архиерейской жизни, но гласность в вопросах церковных нестроений, по его мнению, может лишь усложнить и без того затруднительное положение Церкви.

Если смотреть на данное письмо вне контекста публицистической полемики, с позиции исследователя положения Русской православной церкви в 1840–50-е гг., то оно интересно тем, что дает исследователю информацию о проблемах синодального управления и бюрократизации чиновничьего аппарата устами близкого большинству современных ему архиереев и сановников Церкви⁶.

История данного письма как исторического источника начинается в 1915 г., когда оно было частично опубликовано под редакцией графа С.Д. Шереметева⁷ в историческом сборнике «Старина и новизна»⁸. Несмотря на это, дореволюционная публикация, которую широкий круг исследователей (среди которых, например, известный церковный историк И.К. Смолич⁹) имел в своем распоряжении в течение последних ста лет, не способна полноценно передать все то, о чем писал его автор. Дело в том, что в упомянутом сборнике опубликованы только тщательно отобранные фрагменты письма, составившие не более 17% от полного объема оригинального текста. Публикация 1915 г. не дает никакой информации о причине создания письма, что, конечно, не обесценивает, но в значительной степени умаляет значимость данного источника в контексте изучения проблем церковно-общественной публицистики в XIX в. Кроме того, данная публикация не содержит те части письма, в которых наиболее остро и конкретно критикуется синодальное чиновничество, обер-прокурор граф Н.А. Протасов и положение духовного образования и указывают на существенные недостатки, подлежащие первоочередному исправлению. Сокращения оригинала в рассматриваемой публикации не всегда отмечены в тексте¹⁰, имеются произвольные вставки, которые, однако, не вносят существенных изменений в содержание оригинала. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что публикация данного источника может способствовать лучшему пониманию церковных проблем середины XIX в. и взаимоотношений в среде церковных публицистов.

Межигорье 23 июня 1859 года

(л. 132) М[илостивый] Г[осударь] Михаил Петрович!¹¹

На печатное объяснение Ваше отвечаю письменным со всей искренностью, но и с убедительной просьбой не предавать печати и даже переписи вот сих задушевных моих слов, во избежании огласки, ибо это вопль уязвленной души, который невольно исторгается при виде беспомощности нашего положения церковного¹². Напрасно Вы думаете, что я питаю к Вам какое-либо чувство неприязни; скажите за что? Мы слишком давно с Вами знакомы и кажется никогда не ссорились. Поверьте, что вовсе не надобно быть недругом Вашим или иезуитом и даже инквизитором, как Вы меня величаете, чтобы написать о книге, неосторожно допущенной вами в свет, что я о ней написал. Нет, я поступил в этом случае по долгу совести, любя пламенно свою Церковь, когда увидел те страшные опустошения, какие уже производит в отечестве нашем сия книга, еще больше отторгая все мирское от духовного, ибо она действует на людей неопытных в делах церковных, хотя и высоко поставленных и могущих много повредить еще и еще своим влиянием и теми непрактичными мерами, какие предпримут. И сколько еще думаю должно нам ожидать || (л. 132 об.) от нее за границу, где уже она переведена¹³ и с жадностью читают ее враги наши, истинные иезуиты, а не такие как я! Как обрадуются переметчики наши, увидев что написал православный священник о своей Церкви, и что будем мы отвечать на такие обличения? Напрасно, Хомяков и я, мы трудимся, каждый в своем роде, защищать французскими брошюрами родную Церковь против нареканий западных. Одна эта книга опрокинет все и поневоле, хотя и совершенно несправедливо, заставит нас молчать, когда уже, по слову Евангельскому «враги человеку домашние его!»; «благословите, а не кляните», говорит Писание, но кто же проклинает Вас? Я только намекнул о тяжелой ответственности перед родной Церковью за такое неприязненное обнажение ее внутренних язв, которых не она виною и потому не может сама залечить, хотя и терпит от них жестокие укоризны. Если же кто проклинал, то это сам автор книги о сельском духовенстве, который позволил себе столь дерзко отзываться о своих архипастырях: «вечная клятва сим фарисеям и проч.» (совестно повторять)¹⁴. Но, когда спросил его местный архиерей, как мог он написать такую книгу? — писатель малодушно от нее отрекся даже по Священству: «начен ротиться и клятися»¹⁵. Хорошо если бы явил он и покаяние [Пет]рово! Это я Вам пишу не в качестве Торквемада¹⁶, но потому что нахожу недостойным такой поступок. Вот и вы погрешили

ведением или неведением в этом деле, но не бойтесь однако брать на себя всю ответственность.

|| (л. 133) Если бы вы видели из какой пустыни я вам пишу, вы бы мне поверили на слово, что не ищущу здесь каких-либо изворотов. Нет: да не возглаголют уста моя дел человеческих; дело идет о Церкви. Вокруг меня лишь горы и леса, под ногами у меня Днепр, над которым висит мой домик, а впереди необозримая равнина Черниговских лугов и лесов. Одним словом я в Межигорье, бывшей знаменитой обители Запорожской¹⁷, обновленной великим нашим патриархом Иоакимом¹⁸, ее постриженцем, сожженной и упраздненной Потемкиным¹⁹ и с тех пор обращенной в фаянсовую фабрику. Древнее жилище иноков с пещерами времен Боголюбского²⁰ ныне наполняют одними фабричными. Ах! Как горько сжимается сердце при этом зрелище и не напоминает ли оно о нравственном запустении нашей Церкви, которая равнодушно смотрит на этот невыносимый позор, будучи сама обуеваема влиянием светским!

Видите, что я не обольщаю себя какою либо обманчивою картиною, говорю искренне то что чувствую, но с знанием дела, и не слагаю на Межигорских отшельников вину запустения их обители. Пусть же отвечает за это великолепный князь Тавриды; но как могла у него подняться рука на такие чудные места, каковы: Межигорье и Святогорье²¹? Последняя уже обновлена благочестием других Потемкиных, а Межигорье еще страждет. Здесь однако надлежало бы обноситься, если не обители, то ученому братству, ибо самая || (л. 133 об.) природа создала это место для людей безмолвия.

Если я пишу вам с такой искренностью, то потому что и сам вижу в вас искреннюю ревность, однако вместе с тем не могу не заметить, что ревность сия не туда направлена, куда бы следовало, и не там ищет средства врачевания, где можно и должно. А это весьма опасно; ибо вы можете дать гласность делу и вам поверят на слово по вашей известности, тогда последнее будет горше первых потому что указываемые врачевания только растравят язвы. Простите, если я опять прибегаю к сравнениям местным, так как это свойственно человеческому сердцу, говорить о том, что пред глазами. Вот этот самый широкий Днепр, который так величав под Межигорьем и еще недавно был столь некрасив под Киевом, на что похож теперь он стал, так как лысый старец, весь покрытый отмелями, хотя и принял в себя еще Десну. Отчего же это так случилось? От того, что вздумали с ним бороться искусством вопреки его природе, по расчетам человеческой мудрости. Побоялись, чтобы сильная река не отошла от крутизны Киевских, и не проложила себе нового русла, по сходству старого, в так называемый проток

Черторый²², куда давно уже имеет стремления. Начали делать плотины против самого протока, чтобы отвести воды быстрой реки. Напрасно уверял искусный строитель великолепного Киевского моста что гораздо выше надо было начинать работы, || (л. 134) потому что здесь неуместная плотина только раздражит реку, которая все глубже и глубже будет прорывать себе русло чтобы уйти в Черторыю, и только разметет по сторонам вырывааемый ею песок так что повсюду образуются мели. Ему не поверили, но вот теперь сбываются его слова, весь великолепный Днепр, бывало широкий, как бы истаял под Киевом! Хотя уверяют что он опять наполнится, но русло его напротив с каждым годом делается теснее и умножаются как лысины безобразные мели на самых видных местах; уже три столба чудного моста стоят на песках.

Трудно сознаться в своей ошибке, да уже и много истрачено. Боюсь, чтобы в церковном деле не случилось то же и чтобы, начав работу мнимо исправительную не выше, а у самой Черторыи, благо она пред глазами, не иссушили священного потока.

Автор книги о сельском Духовенстве, по своему естественному положению, смотрит снизу на архиереев и потому представляются они его воображению великими панями, на них возлагает он всю ответственность существующих беспорядков по духовному образованию и сколько неприличных анекдотов позволяет он себе на счет своих пастырей! Он даже намекает в конце книги, что хорошо бы заменить их Протопресвитерами. По его мнению, то-то было бы житье смиренным священнослужителям, если бы во главе их была одна || (л. 134 об.) лишь братия Протопопы! Это льстит его самолюбию и вполне удовлетворяет тесному его взгляду.

Но не пострадает ли от этого само достоинство Церкви! — до этого ему нет дела. Если и теперь бывают часто беспорядки, когда нападает на свою родину епархиальный архиерей, ибо там одолевают его родные, то можно и вообразить что будет, если бы в епархии явились архиереи, которые сумеется старались бы по видимому блеску и нарядам не уступать губернаторам и окружили бы кафедру святительскую всею тривиальностью домашнего поповского быта, и чего бы стоило содержание семейства архиерейского его пастве? У нас все судят по иностранному и вероятно указывают на Лордов епископов английских которые женаты, богаты и приличны. Да это не по русскому быту!

Нет, весьма благоразумно определила Церковь Вселенская на своих соборах, соединяя строгость правил с апостольским снисхождением чтобы брак был дозволен только в низших степенях священства²³, дабы не иску-

шалось целомудрие многочисленных служителей Церкви не напрасною строгостью, но чтобы представители клира, предпочтительно избираемые, по самой высоте своего сана, не были связаны узами семейными, дабы беспристрастные могли стоять во главе управления. Если при такой предосторожности бывают несчастные примеры, то их было бы || (л. 135) во сто крат более, если бы дерзнули нарушить ее соборное правило, и высшие сановники церкви обязаны были бы куплями житейскими по своему брачному положению, к ним утратилось бы даже уважение народное. Заметьте, что все пословицы русского человека падают на попа и не касаются монаха, хотя вероятно случается видеть и слабости монашеского звания. Но уже черная ряса покрывает в глаза народа все грехи и стены обители достаточно ограждают не благоговейных иноков. Поберегите это святое врожденное чувство, доколе оно еще у нас существует. Обители наши, как бы они ни были слабы, доселе еще служат катихизическою сетью охватившею всю Россию без которой мы возвратились бы к старому быту языческому, при одном белом духовенстве.

Да что возбуждает так ревность духовенства латинского, на которую нам указывают наши отчепенцы из заграницы, если не безбрачие, хотя и сопряженное на западе с вопиющими недостатками? Не будем же сами разрушать в своей Церкви то, что в ней искони так предусмотрено, а будем направлять опытною рукою только то, что нужно и можно. Теперь все толкуют о преобразовании училищ, которое действительно необходимо, но только в благоразумных размерах, ибо я всегда замечал, что желающие рубить с корня, вместо того, чтобы исправлять никогда не успевают. Потребовали со всех епархий мнения и чтобы непременно пришло через месяц, хотя протекли || (л. 135 об.) даром целые годы и тут кажется виною та же книга²⁴. Поспешность гибельная! Ибо опять приведет к необдуманным мерам! Кто говорит о совершенном уничтожении духовного училища и слиянии их с светскими, чтобы не было касты. Такою мерою совершенно убьют у нас религиозный дух и мы останемся без священников, ибо в города их легко найти, но не в села, особенно в глуши уездов дальних губерний и в дикие тундры, и не забудьте, все это без всяких средств к существованию. На это способно только подвигнуть предание от отца к сыну, а не космополитическое воспитание. Министерство же у нас вовсе не развито. Да и как можно одним почерком пера перевернуть быт многих веков? Я вам расскажу живой пример который еще у всех на памяти и даже пред глазами, как опасны слишком скорые и необдуманные преобразования. Все восставали против неприличного вымогательства денег при совер-

шении треб, хотя по слову Апостольскому, позволено Священнику питаться от алтаря, разумеется без притязаний²⁵? Правительство решилось, с своей стороны пожертвовать, для прекращения сего зла, до четырнадцати миллионов ассигнаций, чтобы обеспечить жалованием духовенство. Кажется это весьма великодушно! Что же произошло? Собрали по обычаю комитет столичный; а вы знаете каковы эти комитеты и как у них все дело только на бумаге, без всякой опытности, и вся сила не в членах, а в правителе дела. Распорядились дать на каждую епархию известную сумму, судя по числу || (л. 136) жителей, а церкви разделили на семь классов нисколько не соображаясь с местными нуждами через которые сами собой устроились приходы, стали уничтожать причты, приписывая произвольно одну церковь, иногда весьма древнюю, к другой, лишь бы меньше приходилось дать окладов²⁶. Таким образом упразднили богослужения там, где оно было до крайности необходимо по какой-либо местной причине, или куда издавна обращено было благоговение народной Церкви опустели, а раскол восторжествовал ибо у них богослужение заменяет катихизис. Испровергнут был древний порядок церковный, определивший четыре необходимых лица для каждого причта: священника, дьякона, дьячка и пономаря, и только в случае крайней бедности прихода, дозволявший обходиться без дьякона. По новому положению дьяконская степень была почти вовсе уничтожена в селах, местами же оставлен один только священник с одним лишь дьячком, так что нет физической возможности исполнять службы церковной в великий пост. Что возможно у лютеран, то неисполняемо у нас при многосложности нашего богослужения. Но комитет не рассуждал об этом в столице, а думал только как бы достало царской милости чрез сокращение причтов.

Прекратилось ли, по крайней мере, вымогательство за труды! Ни мало!

Жадные из числа клира продолжают брать потому что для них недостаточно и сих окладов; между тем остыло усердие прихожан, внешнее || (л. 136 об.) благолепие уничтожилось, младенцы стали умирать без приобщения, больные без приобщения, ибо не доставало сим для одного священника даже средств без пособия со стороны прихожан. В многолюдных древних епархиях целыми семьями стали бродить по миру священнослужители упраздненных церквей (особенно во Владимирской), так что для их размещения принуждены были прекратиться рукоположения из вновь окончивших курс, тем паче, что уничтожились дьяконские и многие причетнические места. Опять поднялся вопль в семинариях, что переполнились они учениками, которые должны умирать с голоду без всякого назначения.

Видите сколько бедствий влечет за собой одна необдуманная мера, хотя по видимому и благонамеренная! Вот что значит не так запрудить Черторыню где следует. Думал сделать добро, а сделали хуже. Многие архиереи протестовали, особенно Владимирский, им велено молчать. Московский успел умолить чтобы его епархия оставалась неприкосновенной до времени. Вскоре и сам граф Протасов почувствовал свою ошибку, но как же было сознаться пред Государем? Да и все за это получили кавалерии. Прости ему Господи его грех, ибо с каждым из нас может случиться такая беда; но нельзя не обратить внимание на то, что граф, по вине коего многие тысячи умерли без крещения и покаяния и сам не успел приобщиться перед смертью, хотя скончался не скоропостижно, в кругу семейном, и сам был от природы благочестив. В последние годы старался он исправить это зло и теперь, где можно, || (л. 137) восстанавливают упраздненные причты, но уже трудно через 20 лет возвращаться к старому порядку, от которого стал отвыкать народ.

Покойный обер-прокурор действовал однако по ревности, но ему казалось, что старый порядок не хорош и что можно управлять церковью мимо епископов, разумеется к лучшему. Но вот мы теперь видим плоды его управления. Ах, если бы вы суровый хулитель архиереев стал бы сам повыше и посмотрел с их ступени на управление церковное, конечно не стал бы он осуждать их так жестоко, увидев до какой степени они сами парализованы во всем и как централизация власти в лице обер-прокурора, достигшая неблагоприятных размеров убила все. Не думайте, чтобы это улучшилось кроткой и благочестивой личностью нынешнего обер-прокурора²⁷, нет! Уже зло созрело, образовалась своя система мирского управления церковью. Вы бросаете всю вину беспорядков на ректоров, архиереев и Синод, во свидетельство истинного, что написано в книге о сельском духовенстве, вы приводите двух архиереев из коих один плакал, а другой смеялся от разительной верности приведенных примеров. Кто же в этом сомневается? Много таких Гераклитов и Демокритов духовных, мог бы и я вам указать, которые сперва плакали, домогаясь что либо сделать, а теперь уже смеются, но только с отчаяния, потому что пришлось опустить им руки и смотреть как все около них рушится от централизации и чиновничества, созданных Протасовым!

Знаете, любимый Михаил Петрович, в каком мы || (л. 137 об.) находимся безвыходном положении по делам церковным? Тут не может пособить никакой архиерей ни даже первенствующий член, ни Синод, утративший свое значение после 17-летнего протасовского ига. Один лишь обер-про-

курор может вывести церковь из сего бедственного положения, но такой только который будучи одарен чрезвычайной энергией, при глубоком знании своего дела решится быть графом Протасовым в обратном смысле и, как бы налагая сам на себя руки, рукою властною разрушит все нелепое звание чиновничества, которое создал на гибель и позор церкви. А много ли таких найдется? Тут уже не надобно о себе думать, но жертвовать собою на каждом шагу, как воин в час битвы, и не дорожить своим местом; ибо отовсюду на него подымется вражда. Если бы кто из обер-прокуроров и решился так действовать, то первое против него возопиют ближайшие его чиновники, упитанные тельцы, долженствующие расстаться со своими местами, а их собрано целое стадо! По их понятиям пусть лучше нищенствуют архиереи и училища, а это и есть настоящая причина всех беспорядков как вы сами правильно заметили в своей записки бывшему обер-прокурору о семинарии петербургской. Много раз я говорил о том нынешнему, но без всякой пользы, ибо, при всей своей благонамеренности, никто больше его не одолеваем окружающими чиновниками. Для них он изобрел даже новые места по особым поручениям, каких не было и при Протасове. До того дошла изобретательность, что даже под предлогом наблюдения западных училищ, || (л. 138) послан в Париж чиновник его канцелярии с 1200 р. жалованья, разумеется на счет духовных капиталов, в качестве домашнего наставника при графе Путятине²⁸, человек молодой и не опытный, который конечно гораздо меньше может наблюдать нежели умный и дельный протоиерей наш в Париже Васильев²⁹.

Граф распоряжается духовными капиталами столь же произвольно, как и покойный, разумеется все это по журналам и протоколам. Так напр. Сербинович³⁰ оставляет служение при Синоде, ибо на его место надобно было поместить князя Урусова³¹, и вот ему оставляется ежегодно оклада 6000 руб.; Удаляется директор канцелярии Франк³² и ему оставляется до 3000 руб. Позняк³³ сделан Сенатором и доколе не вышел ему оклад по Сенату, он продолжал получать оный по Синоду. Какова щедрость на счет духовных сумм! А какой капитал представляют такие проценты, теперь особенно, когда они до ½? И не умели их отстоять для Православной Церкви, когда даже лютеране отстояли свое. Прошу содержать духовные училища с такими процентами. И с какого права почитать их достоянием казенным, когда они большею частью составились из частных вкладов. Позвольте спросить, что тут делать бедной церкви, которой приказывают молчать в глазах лютеранской консистории! Страшно подумать, не только выговорить (а я это несколько раз говорил и писал графу), что более 10 000

руб. расходуется таким образом ежегодно из духовных капиталов, || (л. 138 об.) собираемых копейками со свеч, т. е. с благочестия народного, жертвующего собственно Церкви; а все это на чиновничество и на произвольные расходы. А попробуйте просить на Семинарию: скажет денег нет и не смеет доложить, и те же чиновники представят самые убедительные справки.

Граф Протасов купил в столице для их помещения два огромных дома из типографского капитала, которые стоили свыше 300 000 руб. и сверх того, набил своими чиновниками три подворья, отнятые им у архиереев: псковского, ярославского и белорусского, так что тесно уже в них помещаться приезжающим на чреду архиереям, а все еще мало. Чиновничество одолевает все. Протасов создал из весьма малой канцелярии обер-прокурора и комиссии духовных училищ три особых департамента, одним словом целое министерство, с директорами, вице-директорами, начальниками отделений и прочей принадлежностью сего рода, ни мало не облегчив собственно Синодальной канцелярии тружеников обер-секретарей, на коих лежит все дело и самые консистории, оставшиеся в этой же нищете и упадке нравственном. Власть обер-прокурора, которая была только наблюдательною и исполнительною, следовательно, весьма полезною, сделалась совершенно министерскою и соперничает во всем коллегиальному древнему управлению Синода, без всякой системы и смысла, как пятое колесо в колеснице. У Протасова была системою его воля, но он, по крайней мере, по своей ловкости связям, ограждал извне дело церковное; теперь и || (л. 139) этой ограды нет. Часто в чужих ведомствах распоряжаются по духовным делам, не спрашивая Синода, который отмалчивается и кое как судит текущие дела и то лишь те, на которые ему укажет обер-прокурор ибо в его руках вся инициатива и доклад. В Синоде нет даже настольного реестра делам, поступающим на его рассмотрение. Что предложат о том и судят, а потому самые жизненные дела могут быть ими не доложены или не исполнены и нет на них общего взгляда, все делается урывками или по произволу. Может ли быть смысл и жизнь в таком управлении?

А между тем со всех сторон поднимаются колоссальные вопросы раскола, пропаганды, внутреннего преобразования училищ, когда нет средств управляться и с текущими делами и при том отказывают во всяком денежном пособии. Как вам нравится последняя мера об училищах? Введены в них купцы в виде экономов по хозяйственной части, разумеется с такой целью, чтобы ради мундира и медали поддерживали их своими средствами, как богатые старосты украшают Церкви по городам. Но едва ли мера сия удастся и в русских губерниях, и сообразна ли она с достоинством

Синода? Этим не поддержишь училища. Не лучше ли отобрать у чиновников их оклады из духовных сумм? Вы жалуетесь на невнимание ректоров, так как они монахи. Мне известен один бывший ректор академии, весьма ревностный к просвещению || (л. 139 об.) который вздумал воспользоваться личным знакомством обер-прокурора при самом вступлении в должность и умолял его обратить внимание на четыре разрушающиеся семинарии в подведомственном академии округе о постройке коих дело тянулось более двадцати лет и давно уже были доставлены для сего планы и сметы! Граф принялся сперва весьма ревностно за это дело, по благородному порыву своей души. Но как только попало оно в руки чиновников, начались притязательные справки разумеется оправдывающие виновных, которые будто бы все обдумали, хотя ничего не делали. Кончилось как обыкновенно ничем. Все предоставлено пастырскому разумению и предусмотрительности местных архиереев озаботиться впредь изысканием мер к улучшению своими средствами и к предупреждению могущих произойти неприятных последствий, а иное признано вовсе бесполезным, хотя ректор прямо писал что никакими мерами нельзя поддержать потолки готовые обвалиться на учеников. И вот уже три года прошло с тех пор, а все четыре семинарии в том же положении. Не забудьте что это уже не простые училища, а семинарии. Чья же тут вина? Но какая нужда директору учебного правления, под чье иго подпали все ректоры преспокойно живущему в теплых покоях столицы, что кое где рушатся семинарии? Ведь это далеко и на бумаге не чувствительно, к тому же на все дана за № отписка. Время терпит и требований таких много, а чиновник сыт. Легче отделаться советами.

|| (л. 140) Эта несчастная централизация и чиновничество убивает все. Напрасно предпринимают по местам опытные ректоры что либо в пользу училищ или учеников, все тонет в общей массе дел. Что казалось бы проще распределять окончивших курс воспитанников по семинариям? Кажется могли бы тут распорядиться академические правления сами собою? Нет, все это требуют в духовно-учебное управление и там держат по полу году, а студенты терпят голод и холод; иные возвращаются к родителям в дальние губернии и должны опять тратить время и деньги на путь, когда выйдет резолюция свыше, обыкновенно утверждающее представление академическое. И сколько есть подобных порядков или лучше сказать беспорядков подрывающих духовные училища? Мудрено ли, что светские процветают, когда на них обращено внимание и даны им средства? Сравните оклады академий и университетов! Что уже говорить о ректорах и профессорах? Знаете ли, что недавно во вновь открывшейся епархии Оренбургской назна-

чено архиерею по старому положению 280 руб.? Хотя бы посовестились это печатать! Там мула по штату получает больше. Кажется пора бы изменить такое положение для архиереев, когда давно уже изменили его для чиновников когда их гораздо больше. Вы требуете добросовестности от консistorии, но посмотрите в каком они убожестве. Право нельзя быть правдивым, || (л. 140 об.) когда жена и дети голодают. Мне говорил Симбирский архиепископ³⁴, что когда получена была весть о кончине императора, сам он ночью взошел в консistorию для спешных распоряжений, и на другой день сделал замечание секретарю, как неприлично туда собрались чиновники, хотя и ночью, в фризовых шинелях без всякого иного платья. Но секретарь отвечал, что и днем они не имеют иной одежды. На все это одна и та же песня — денег нет! Так вы думаете откуда их взять? В этом и состоит ум правителя чтобы изобретать, а не идти по битой колее. Протасов умел же найти средства чтобы создать свое министерство и закупить дома для своих чиновников. Сумей разрушить то, что он нелепо создал ко вреду Церкви.

Посему вы можете судить, сколько нужно на те дела и какой иметь характер обер-прокурору чтобы вступить в решительную борьбу со всеми сими язвами, а без этого ничего нельзя сделать. Он должен найти у себя средства и вымолить их из вне; не с одними чиновниками придется ему иногда бороться, но и с духовными лицами для разрешения важных вопросов, как напр. чтобы соблюдались вселенские правила и постепенность в производстве диаконов и священников³⁵ чтобы не ставить вопреки канонов, неопытных юношей прямо во иереи, ибо нельзя от них ожидать назидания³⁶. А для таких прений сколько надобно иметь личного авторитета!

|| (л. 141) Сколько и других представится важных вопросов о собрании архиереев и нечастом их перемещении и необходимом умножении числа их и вызов в Синод чтобы восстановить прежнее его достоинство. Не думайте, чтобы Синод всегда был в том грустном положении, в какое его привел Протасов. На моей памяти заседало в нем 8-емь членов, из коих 4-ре митрополита, это было очень важно, а при начале его учреждения определено было число 12 членов³⁷. Теперь же только 6 бывает зимою, а летом иногда некому собраться, случалось в заседании только два протопресвитера, а протоколы все равно идут. Первенствующий член имел гораздо больше влияния как стоящий во главе Синода и бывшей Комиссии духовных училищ, и он служил связью всех архиереев епархиальных, к нему относившихся с вопросами; но это все умел отклонить Протасов, привлекая к себе все нити управления. Кроме сей иерархической связи епархиальных с первенствующим, необходимо, чтобы и у них были пункты ежегодно-

го совещания младших со старшими, для успешного хода дел, в Москве, Киеве, Волыни, Казани, и еще где либо на юге. Тогда действительно будет управление соборное, т. е. совещательное, а не одни лишь протоколы, и восстановится древний канонический порядок³⁸. Нынешние архиереи, выходящие из академий, имели бы совет старших и не находились бы в руках консисторий и секретарей, || (л. 141 об.) которые со времен Протасова сделались как бы прокураторами в своих епархиях и парализуют управление, а в отношении местного епископа к его семинарии становится поперек директор духовно-учебного управления; Архиерей не имеет никакого влияния на училища духовные, тогда как влияние сие вполне предоставлено латинским епископам у себя в епархии. Если бы мы брали пример хотя с иноверцев! На каждом шагу препона или нищета, а говорят действуй! Все это может переменить один лишь обер-прокурор, если возьмется за дело. Я писал об этом графу и записка моя пошла выше, но это не принесло никакой пользы. А если такое управление продлится еще несколько лет, то нельзя будет и исправить. У нас все ищут добреньких, а пословица справедлива, что от добрых людей свет пропадает, ибо из-за них действуют другие, которых они прикрывают всею массою своей доброты. Или вдруг посадят какого-либо коршуна в шпорах, вовсе незнакомого с вопросами церковными, которому только скажут «держи в руках», а что держать не знают, и он давай все гнуть по своему пока не испортит лет на сто вперед, как напр. дело о штатах. Бедная Русская Церковь! Что она вытерпела и как она еще существует, борясь уже 150 лет за свое существование! Где тут ей идти вперед! Еще живуща она наша матушка. Сердце выболит глядя что с нею творят!

|| (л. 142) Посмотрите хотя на дело пропаганды римской. Чтобы выполнить конкордат³⁹, согласенный за несколько лет пред сим с папою достойно внимания, что единственным секретарем при нашем уполномоченном употреблен был для столь великого дела в Риме поляк и жестокий фанатик некто Губе⁴⁰, коего родной брат находился там прелатом. Решились открыть новую вовсе излишнюю епархию латинскую, сперва на юге России в Херсоне, а потом когда ее оттуда оттолкнул преосв. Иннокентий⁴¹, то в самом сердце России, в Саратове, где средоточие раскола⁴². Предлогом послужило что там до 30 000 католиков, которыми будто бы нельзя управлять издали, хотя православные отстоят у нас в многих епархиях на тысячи верст от своих пастырей. Уверили еще что новый епископ будто бы немецкой породы и следовательно не будет иметь польского духа, но однако окружают его прелаты из самых ревностных поляков, и потаенные иезуиты. Открыта в Саратове

школа, куда стали ходить и православные, начались там крестные ходы неслыханные на Руси. И что же? Раскольники наши, восстававшие всегда против латинского крыжа и папы, яко антихриста, начали уже поговаривать о ксендзах! Вот как мы сами себе роем яму. Когда однако хотели учреждать епархию сию в Саратове, я умолял всех членов Синода подать голос и высказать свое мнение, до какой степени опасно такое учреждение || (л. 142 об.) в центре России. Я решился даже написать о том сильное письмо Великому князю Константину Николаевичу, изложив ему все что может произойти от столь опасного соседства и что придется рано или поздно вывести оттуда латинян как выгнали иезуитов из Петербурга⁴³. Итак, не лучше ли не допускать их в Саратове? Голос мой прозвучал в пустыне! Теперь чувствуют опасность и хотят вывести латинскую епархию из Саратова, но куда же? В Тирасполь, под титул епископа и там уже строят дом, а под тем предлогом, что нанят дом в Саратове, доживают там до срока; но и в Тирасполе опасно по соседству с Бессарабией, не имеющей теперь хороших границ, когда в княжествах сильно действует пропаганда, да и в таком маленьком городке латинская кафедра со всеми ее принадлежностями и семинарией будет господствовать, тогда как в Одессе, разноверном большом городе она бы потонула в массе и была бы менее опасна, в Саратове же следы ее неизгладимы! Что же тут делать если не хотят обратить внимание на столь важные вопросы и их решают мимо Синода! При заключении конкордата его не только не спросили, но даже не сообщили о том, хотя это не были политические условия государства с государствами, но можно сказать духовные церкви с церковью, ибо дело если и касалось собственно льгот римских, но составит однако прямой ущерб православию.

А у нас между тем как мудрствуют в духовно-учебном управлении! Жаловался одесский || (л. 143) архиерей, что нечем содержать семинарию, ибо все непомерно дорого в Одессе, а потому надо умножить содержание (достаточно было бы на сей предмет и половины оклада выдаваемого отставным чиновникам синодального ведомства). Как же распорядились? Поставили это в вину ректору и перевели Одесского в Тамбов, а тамбовского в Одессу. Но это разумеется не помогло. Придумали еще лучше, поелику в Николаеве дешевле жить против Одессы и там остались пустые здания от морского ведомства, то перевести туда на дешевый хлеб семинарию из под надзора архиерейского и в такую минуту когда и латинскую епархию хотят перевести из Саратова в Одессу. А между тем одесская семинария должна бы быть, по настоящему образцовою и служить пристанищем для всех греков и болгар особенно в нынешнюю эпоху их возрождения.

Право, видя такое отсутствие всякой мысли в всеобщем деле управления церковного, то думаешь что это невинные дети собрались играть между собою в церковные дела. Давно ли из Харькова вызвали в Синод архиепископа и в ту же пору потребовали туда на чреду и ректора семинарии; бросив всю епархию на произвол судьбы, что нередко⁴⁴ случалось; а между тем из Петербурга туда был послан прелат польский, граф Любенский, самый ревностный пропагандист. Латиняне не дремлют как мы!

Да и одесского Димитрия⁴⁵, человека доброго, но вовсе не синодального, как можно было вызвать из столь далекой епархии, которая служит || (л. 143 об.) связью нашей с востоком? Чего стоят такие переезды и для епархии и казне?.. когда есть ближайшие архиереи, и зачем собственно его? Он добрый человек и знаком с графом. Как-будто этого достаточно! Но какая польза в таких молчальниках Синоду? Отчего не вызовут литовского хотя бы на одну зиму? Говорят он нужен в своем краю (едва ли не бояться его железного характера?). Литовский Иосиф⁴⁶ заседая в Синоде освежил бы все заглохшие дела на западе, где уния опять подымает голову потому что православие было заброшено без всякой помощи, со времени соединения. Теперь только принялись обновлять церкви, когда сильно стала действовать там пропаганда. Спросил бы я опять, для чего перевели из Иркутска первенствующую епархию в Казань и вызвали тогда же в Синод Иоаникия, человека ревностного, но недалекого, который весьма был на месте в Иркутске и бесполезен был два года и Синоду и в Казани? Потому только, что знаком лично графу. А между тем в Иркутск заслали гораздо более нужного для церковных дел пастыря Евсевия⁴⁷, и откуда же? Из Самары, где только открылась епархия и он не успел еще ничего там устроить.

Можно ли так управлять без всякой системы и с явным произволом, ибо многое первоначально совершается мимо Синода и только потом облекается в формы! А между тем каждый вызов или перевод архиереев и ректоров с места на место, не только не подвигает вперед || (л. 144) дела церковные, но даже их отодвигает на несколько лет, ибо должно хорошо сперва изучить характеры духовных лиц, чтобы знать кто где может быть полезен. В этом состоит управление, а не в протоколах, и какую тяжкую ответственность берут на себя люди неопытные, которые без всякого приготовления легко хватаются за дела им вовсе незнакомые, к великому ущербу Церкви! В это время, когда назначался граф, еще казалось достаточно было благочестивого человека для сего важного места⁴⁸, но теперь при общем разложении дел церковных опасен подобный выбор, на несколько лет пара-

лизующий все дело, когда кругом все кипит. Я знаю одного лишь человека, который в нынешнюю трудную эпоху мог бы с пользой занять место обер-прокурора. Он теперь за границею — это Скрипицын⁴⁹, долго служивший при Синоде, где приобрел большую опытность по всем частям управления, так же и в делах раскола, ибо посетил все его скиты. Он действовал весьма ловко и при воссоединении унии без всяких притеснений, будучи употребляем графом Протасовым в самых щекотливых случаях, а потом с замечательным благодушием управлял Департаментом Иностранных Исповеданий, и конечно при нем не поднялась бы с такою силою латинская пропаганда, и никто лучше его не обдумал бы о мерах нашего духовного образования. Он вовсе не фанатик, а только политик, но если произнесут его имя, тотчас восстанет || (л. 144 об.) против него партия польская и немецкая и во главе всех, увы! добрейший человек и русский в душе, виновник конкордата, столь вредного нашей церкви. И так мы останемся с нашим добрым графом, который передаст на многия лета (ис пола э ти) бразды правления столь доброму князю, под влиянием людей его приблизивших к кормилу общей нашей матери Церкви, а корабль ее будет без руля носиться по темной пучине и снасти трещать и лопаться.

Вот вам моя отповедь, или лучше сказать исповедь! Простите, что заговорился. Я высказал вам все так откровенно для того, чтобы убедить вас не касаться более священного кивота и не обличать где возможно исправление существующими ныне средствами, ибо слова ваши только повредят в общественном мнении лицам духовным и не принесут никакой пользы собственно делу церковному. Сердце у меня изныло по церкви! Ах! Я льстил себя надеждою, что когда разыграется вопрос восточный и освободится великая церковь, тогда из святой Софии опять воссияет нам свет духовный и мы взаимно поможем друг другу тем, что у нас и у греков есть доброго для усовершенствования и скрепления вселенского союза Церкви; наше духовное образование и благочиние сроднилось бы с их иерархическим устройством. Тогда бы пошатнулся Рим от такого единства четырех патриарших престолов с нашим собором и составилось бы одно великое православное целое со всеми славянскими || (л. 145) церквами. Горько рассеялась сия мечта, еще больше запутались дела церковные на востоке; осталось одно лишь утешение и та мысль, что при внешнем неустройстве родной нашей церкви Восточной, в них сохранилась неприкосновенно сердцевина, чистое учений веры, непоколебимое основание соборное, которое при благоприятных обстоятельствах может принести обильный плод на чистых церковных началах, тогда как напротив в римской церкви истлел самый

корень от папского преобладания и нарушения всех канонических правил и самых догматов.

Но довольно! Письмо мое вышло из пределов всякого письма и даже вашего терпения. Теперь я в Межгорах на краткий срок летнего купания где наслаждаюсь всею тишиною пустыни. Я делаюсь мирным гражданином Киева под сенью ангела моего Первозванного апостола, близ церкви коего устрою себе скромную усадьбу на самом маковце старого Киева, где был его детинец. Сюда думаю постепенно переселиться по мере способов, с холодного севера на более теплый и постический. О политической карьере я никогда не думал; а теперь кажется оканчиваю и духовно-литературное поприще описанием жития святых русских. Иная более завлекательная литература светская восстает со всех сторон, с своими жизненными и житейскими вопросами и едва ли останется место для такой которую я доселе избрал своею целью.

Впрочем пора и отдохнуть. Худо ли хорошо || (л. 145 об.) ли, я написал до сорока томов по всем почти предметам церковным и старался сблизить светских читателей с вопросами для них мало доступными и которым не учатся в школах. Не знаю успел ли, но трудился по совести в продолжении 28 лет и в возмездие за труды получил недавно отзыв журнальный который называет все мои сочинения площадною литературою и сравнивает их с Бобелиною⁵⁰, козлом, бунтовщиком и проч. и никто не вступился, так равнодушно у нас общественное мнение! Впрочем совесть моя спокойна, что я выполнил долг сыновний в отношении к Церкви как и в сию минуту, когда вам пишу в ее защиту.

Простите и не сетуйте на уважающего вас

А. М.

1го июля.

РГИА Ф. 832. Оп. 1. Д. 83 Л. 132–145 об. Список. Рукопись.

Примечания

1. Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) — камергер российского императорского двора, духовный писатель, историк, паломник и путешественник. Состоял в приятельских отношениях с митрополитом Филаретом (Дроздовым), был знаком со многими иерархами, церковными сановниками и членами императорской фамилии. Имеет множество публикаций о святых местах, богослужении и пр. Подробнее о нём см.: Муравьев Андрей Николаевич // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. XX: Московский университет—Наказания исправительные. СПб., 1897. С. 188–189.

2. Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — публицист, историк. Издавал журналы «Московский вестник» и «Москвитянин». См. о нём: *Корсаков Д.* Погодин Михаил Петрович // *Русский биографический словарь*. Т. Плавильщиков–Примо. СПб., 1905. С. 154–166.
3. Процесс зарождения и развития церковно-публицистической полемики середины XIX в. см. в статье: *Мальшев В.С.*, свящ. Церковно-общественная публицистика в период Великих реформ // *Христианское чтение*, 2015. № 5. С. 121–145.
4. Статья «Мысли светского человека на книгу “Описание сельского духовенства”» издана как отдельно, так и в составе анонимного сборника под редакцией Н.В. Елагина «Русское духовенство».
5. *Муравьев А.Н.* Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства». СПб., 1859. С. 4.
6. *Хавроничев В.П.* История российской Церкви А.Н. Муравьева // *Муравьев А.Н.* История российской Церкви. М., 2002. С. 461.
7. Шереметьев Сергей Дмитриевич (1844 – 1918) — граф, государственный деятель, историк, писатель, коллекционер, член Государственного Совета, председатель археографической комиссии и общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, редактор исторического сборника «Старина и новизна».
8. Из письма А.Н. Муравьева к М.П. Погодину (23 июня 1859 г.) // *Старина и новизна*. Пг., 1915. Кн. 19. С. 90–93.
9. *Смолич И.К.* История русской Церкви: 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 1. С. 224, 537–538.
10. С. 90 — После слов «...теперь видим плоды его управления» добавлена отсутствующая в оригинальном тексте фраза «С грустью смотрю...», сразу после которой допущено не отмеченное в тексте сокращение (167 печатных символов (пс); С. 90 — после «...гибель и позор Церкви» пропущено 592 пс; С. 92 — после «занять месте обер-прокурора» пропущена фраза «он теперь за границей», а после слов «это Скрипицын» отсутствует характеристика Скрипицына (501 пс); С. 92 — после слов «трещать и лопаться» пропущено 1455 пс, стоит фраза «Но довольно» относящаяся к другой части письма, после которой допущен еще один не указанный пропуск текста (785 пс.). Также на 92 стр. заменены слова, о чем будет указано ниже.
11. В письме сохранена орфография и пунктуация оригинала. — *Прим. ред.*
12. Желание А.Н. Муравьева легко объяснимо. В своей статье «Мысли светского человека...», он придерживается точки зрения, согласно которой в Русской православной церкви если и есть проблемы, то они не столь серьезные, чтобы говорить о них вслух. В данном письме, автор обличающей И.С. Белюстина статьи признает, что проблемы все же существуют и их масштаб колоссален.
13. Сам А.Н. Муравьев, в статье «Мысли светского человека...» пишет о том, что «Описание...» уже переведено на немецкий и французский языки. См.: *Елагин Н.В.* Русское духовенство... С. 353.
14. И.С. Белюстин всегда нелестно отзывался об архиереях, считая их не архипастырями и наставниками священства, а сатрапами в рясах, совершенно не уважающими своих сослуживателей — белое духовенство. См. об этом: *Белюстин И.С.* Русский заграничный сборник. Описание сельского духовенства. Берлин. Париж. Лондон. 1858. С. 121–128.

15. События, о которых идет речь, описывает в своей публикации Г. Фриз. См.: Freeze G.L. "Revolt from Below: A Priest's Manifesto on the Crisis in Russian Orthodoxy (1858–59)" // Nichols R.L., Stavrou T.G. Russian Orthodoxy under the old regime, 1978. P. 107.

16. Томас Торквемада (1420–1498) — великий инквизитор Испании. Благодаря суровому характеру, богословской начитанности и религиозному энтузиазму оказывал влияние как на римского епископа, так и на светскую власть.

17. Датой основания монастыря считается 1160 г., когда указом князя Андрея Боголюбского был построен храм Спаса Белого. Однако братия собрана по преданию в 988 г. греческими монахами. В 1786 г. штат обители был переведен в Таврическую обитель, а имущество поступило в казну. В 1787 г. после пожара обитель была окончательно упразднена, а в 1796 г. на территории монастыря учреждена фаянсовая фабрика, которая просуществовала до 1884 г. В 1886 г. монастырская жизнь возобновлена, а в 1894 г. обитель становится женской. В 1933 г. на месте монастыря строится правительственная резиденция.

18. Иоаким (Савёлов-первый; 1621–1690) — патриарх. В 1655 г. принял монашеский постриг в Киево-Межигорском монастыре. С 1672 по 1674 гг. — митрополит Новгородский, с 1674 по 1690 гг. — патриарх Московский и всея Руси.

19. Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) — светлейший князь.

20. Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174) — С 1157 по 1174 гг. — Великий князь Владимирский.

21. Свято-Успенская Святогорская Лавра была известна в начале XX в. как Святогорская Успенская Пустынь. Первое письменное упоминание относится к 1526 г. В 1878 г. монастырь упразднен с изъятием большей части недвижимого имущества в пользу казны. С 1790 г. владельцем местности Святогорье становится князь Григорий Потемкин-Таврический и в течении 57 лет обитель находится в упраздненном состоянии. Возобновление монашеской жизни в обители относится к 1844 г., когда указом императора Николая I монастырь был восстановлен. В 1922 г. монастырь был ликвидирован и начал восстанавливаться в 1992 г.

22. От реки Десны, впадающей в Днепр с левой стороны чуть повыше Киева, отделяя проток Черторый. В настоящее время бывший проток от реки Десна отделяет плотина и образует реку Десенка и заливы Доманя, Десенка, Черторый.

23. Шестой Вселенский Собор, пр. 12. См.: Книга Правил святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов. М., Синодальная типография, 1893.

24. Прежде проведения реформ, целью которых являлось повышение благосостояния приходского духовенства, было решено собрать сведения непосредственно от приходов по благочиниям, с обязательным отдельным мнением епархиальных архиереев. Муравьев винит в этих действиях И.С. Белюстина и его влияние на общественность. С.В. Римский (ссылаясь на РГИА, Ф. 804, Оп. 1, Р. 1, Д. 33, Л. 69 об, 72–77 об.) указывает на сложности данного способа при сборе информации и безрезультатность принятой меры. См.: Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 271, 371.

25. Священник, согласно 41 правилу св. апостолов питается от алтаря, т. е. на подношения своих прихожан.

26. Сокращение числа причтов и упразднение приходов путем присоединения малых к более крупным стала крайне непопулярной мерой материального обеспечения первых. До закона «о составе приходов и церковных причтов» от 16 апреля 1869 г. (Полное Собрание

законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ-2) Т. 44. Отд. 1. СПб., 1830. № 46974), о котором в данном письме речи идти не может, эта мера была применена в 1829 г. (ПСЗ-2. Т. 4. СПб., 1830. № 3323 п. 7, п. III §16.), а также в 1842 и 1846 гг. (См.: *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 519).

27. На момент написания письма должность обер-прокурора с 20 сентября 1856 г. по 28 февраля 1862 г. занимал граф Александр Петрович Толстой (1801–1873).

28. Возможно, речь идет о русском дипломате графе Евфимии Васильевиче Путятине (1803–1883).

29. Васильев Иосиф Васильевич (1821–1881) — протоиерей, духовный писатель. По окончании курса Санкт-Петербургской духовной академии и успешной защиты диссертации «О главенстве папы» назначен священником посольской церкви в Париже, где в течении девяти лет издавал журнал «L'union chretienne» В 1867 г. назначен первым председателем учебного комитета при Святейшем Синоде.

30. Сербинович, Константин Степанович (1797–1874) — писатель, редактор “Журнала Министерства Народного Просвещения (МНП)” (1833–1856), директор Канцелярии обер-прокурора Синода (1839–1853), директор Хозяйственного управления (1853–1856) и Духовно-учебного управления при Синоде (1856–1859).

31. Урусов Сергей Николаевич (1816–1883) — князь. В 1858 г. назначен директором Духовно-учебного управления при Св. Синоде. Одновременно являлся членом главного управления цензуры духовного ведомства.

32. Франк Карл Егорович (1793–1872) — с 1853 по 1858 гг. директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода.

33. Позняк Яков Аникиевич (1805–1871) в 1838 г. назначен юрисконсультom при обер-прокуроре, в 1842 г. — младший чиновник за обер-прокурорским столом и помощник управляющего канцелярией Св. Синода, в 1855 г. назначен старшим чиновником за тем же столом. В 1858 г. ему велено присутствовать в П. Сенате, по Межевому департаменту, а в 1861 г. он был переведен во 2-ой Департамент.

34. Судя по всему, под данной фразой скрывается имя архиепископа Феодотия (Озерова) (1793/97–1858). Это можно заключить из фразы «когда получена была весть о кончине императора», которая указывает на 1855 г., т. е. год смерти императора Николая I. В данном случае нет никаких оснований полагать, что речь идет о 1825 г. и смерти императора Александра I, т. к. Симбирская епархия была учреждена значительно позже, а именно 10 февраля 1832 г.

35. Шестой ВС, пр. 14, 15; Неокесарийский собор. пр. 11.

36. Вопрос о поступенном поставлении молодых выпускников духовных семинарий во священники, проводя их через все предшествующие должности, а именно пономаря и диакона, спустя несколько лет активно обсуждался в публицистике. Сторонники того, чтобы семинаристы достигали положенного по канонам 30-тилетнего возраста, ратовали за то, чтобы, проходя низшие ступени священства, кандидаты в иереи набирались церковного-богослужбного и житейского опыта. Противники, среди которых в основном было духовенство, считало невозможным введение подобных мер по причине того, что в виду скудного жалования пономаря кандидат в священство по окончании семинарии обрекает себя на нищенское существование и голодную смерть. Кроме того, члены священнических семей полагали, что тесное общение их детей с пономарями будет не лучшим образом сказываться на их нравственности. См.: Записки сельского священника Быт и нужды пра-

вославного духовенства. Издание исторического журнала «Русская старина». СПб., 1882. С. 131.

37. См.: Духовный регламент 1721 года, часть III, п. 1 // Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный. М., Синодальная типография, 1856.

38. Под древним порядком А.Н. Муравьев, по всей видимости, подразумевает «соборное управление», а не власть одного члена в Синоде.

39. Речь идет о конкордате 22 июля/3 августа 1847 г., который является одним из важнейших эпизодов в истории отношений России с римским престолом и ознаменован рядом уступок ему. Конкордат 1847 г. действовал в пределах Русского государства до 25 ноября 1866 г. Подробнее об этом см.: *Шмурло Е.* Конкордат // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. XVа: Коала–Конкордия. СПб., 1895. С. 958—690.

40. Губе Ромуальд Михайлович (1803–1890) — польский историк-юрист. В 1846 г. сопровождал Блудова в Рим для заключения конкордата с папским престолом. С 1850 по 1882 гг. в звании сенатора занимал различные государственные должности.

41. Иннокентий (Борисов, 1800–1857), архиепископ — известный русский богослов и проповедник. С 24 февраля 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический. С 26 августа 1856 г. являлся членом Св. Синода.

42. В Саратове находился Свято-Никольский монастырь, который был известен как один из самых влиятельных духовных центров русского старообрядчества. В 1837 г. обитель преобразована в единоверческую, а в 1843 г. — из мужской в женскую.

43. В связи с частым обращением православных в католическую веру, в том числе из знатных особ, 20 декабря 1815 г. монахи иезуитского ордена были высланы из Санкт-Петербурга с запретом въезда в обе столицы и с приведением католической Церкви в Санкт-Петербурге в положение, в каком она пребывала до 1800 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ-1) Т. 33. СПб., 1830. № 26.032).

44. В публикации 1915 г. здесь вместо слова «нередко» стоит слово с противоположным значением «редко». См.: Из письма А.Н. Муравьева к М.П. Погодину (23 июня 1859 г.) // *Старина и новизна*. Пг., 1915. Кн. 19. С. 92.

45. Димитрий (Муретов, 1806–1883 гг.) — епископ. В 1857–1859 гг. — архиепископ херсонский и таврический в г. Одесса. С 16 ноября 1859 г. епархия была переименована в Херсонскую и Одесскую.

46. Иосиф (Семашко, 1798-1869) — митрополит Литовский и Виленский. Бывший униатский епископ, перешедший в лоно православия вместе с воссоединением униатов в 1837 г. Много трудился над воссоединением униатов с православной Церковью и даже имел желание лично оставить унию еще 15 (28) мая 1833 г., о чем писал прошение в Св. Синод.

47. Евсевий (Орлинский, 1806–1883) — архиепископ Могилёвский и Мстиславский. 10 декабря 1850 г. был перемещён на Самарскую кафедру, а с 3 ноября 1856 г. назначен епископом Иркутским и Нерчинским.

48. Здесь в публикации 1915 г. вместо слова «места» стоит слово «дела». См.: Из письма А.Н. Муравьева к М.П. Погодину (23 июня 1859 г.) // *Старина и новизна*. Пг., 1915. Кн. 19. С. 92.

49. Скрипицын, Валерий Валерьевич (1799–1874) — тайный советник, с 1842 по 1855 г. являлся директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ). На должности директора ДДДИИ показал себя деятельным и полезным чиновником. Личность и деятельность В.В. Скрипицына оценивались неоднозначно и явились предметом споров, например, между графом Д.Н. Толстым и О.А. Пржецлавским. См.: *Толстой Д.Н. В память В.В. Скрипицына // Русский Архив, 1876. № 3. С. 384–392.*

50. Бобелина (*иноск.*) энергичная, крепкая по натуре женщина (намек на греческую героиню — Бобелину).

Источники и литература

1. *Белюстин И.С.* Русский заграничный сборник. Описание сельского духовенства. Берлин, Париж, Лондон, 1858. 166 с.

2. Духовный регламент, тшанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный. М., Синодальная типография. 1856. 198 с.

3. *Елагин Н.В.* Русское духовенство. Берлин.: Типография Карла Шульцце, 1859. 373 с.

4. Из письма А.Н. Муравьева к М.П. Погодину (23 июня 1859 г.) // *Старина и новизна*. Пг., 1915. Кн. 19. С. 90–93.

5. *Корсаков Д.* Погодин Михаил Петрович // *Русский биографический словарь*. Т. Плавильщиков–Примо. СПб., 1905. С. 154–166.

6. *Муравьев А.Н.* Мысли светского человека на книгу «Описание сельского духовенства». СПб.: Типография Королева и Ко. 1859. 16 с.

7. *Муравьев Андрей Николаевич // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. XX: Московский университет–Наказания исправительные. СПб., 1897. С. 188–189.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 33. СПб., 1830. 1173 с.; Собрание второе. Т. 4, 44. СПб., 1830.

9. *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.

10. *Розанов А.И.* Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. Издание исторического журнала «Русская старина». СПб., 1882. 324 с.

11. *Смолич И.К.* История русской Церкви 1700–1917. Т. 1. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 798 с.

12. *Толстой Д.Н.* В память В.В. Скрипицына // *Русский Архив, 1876. № 3. С. 384–392.*

13. *Хавроничев В.П.* История Российской Церкви А.Н. Муравьева // *Муравьев А.Н.* История Российской Церкви. М., 2002. С. 461–493.

14. *Шмурло Е.* Конкордат // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. XVa: Коала–Конкордия. СПб., 1895. С. 958–690.

15. *Freeze G.L.* “Revolt from Below: A Priest’s Manifesto on the Crisis in Russian Orthodoxy (1858–59) // *Nichols R.L., Stavrou T.G.* Russian Orthodoxy under the old regime. Minnesota, 1978. 261 p.